

Уварова Прасковья Сергеевна

Кавказ: Путевые заметки

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П68

П68 **Прасковья Сергеевна У.**
Кавказ: Путевые заметки. Часть 2 / Уварова Прасковья Сергеевна – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 326 с.

ISBN 978-5-519-78147-3

ISBN 978-5-519-78147-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

казаль намъ храмъ и обошелъ съ нами весь древній городъ и производимыя въ немъ раскопки.

Раскопки эти ведутся на удачу, безъ знанья и системы, а главное, безъ любви и сознанія того, что городъ этотъ долженъ быть дорогъ каждому Русскому и что мы, по меньшей мѣрѣ, должны дорожить имъ, какъ дорожатъ въ Италіи Помпеей.

Вся земля древняго Херсониса, въ числѣ 400 десятинъ, принадлежитъ монастырю, который пользуется, кромѣ того, денежнымъ вспомошествованіемъ правительства и дарственными, доходными землями, въ Мелитопольскомъ и Бердичевскомъ уѣздахъ.

Земля и поля древняго Херсониса ничего не приносятъ монастырю; только въ этомъ году, въ первый разъ. одинъ грекъ снялъ низины и засадилъ ихъ табакомъ. Изъ словъ насъ сопровождавшаго іеромонаха легко понять, что монастырь съ удовольствіемъ отдастъ земли эти тому, который захочетъ ихъ взять за нѣкоторое вознагражденіе. Пора бы это сдѣлать, пора бы убѣдиться, что монаховъ легко удовлетворить отпускомъ земель, болѣе для нихъ выгодныхъ, между тѣмъ какъ древній Херсонисъ необходимо сохранить для исторіи страны, которой онъ служитъ колыбелью православной вѣры.

Взявшись за это дѣло, слѣдовало бы помимо археологическихъ цѣлей, постараться обсадить, обсеменить эту пустыню, воскресить, пожалуй, память той рощи, о которой упоминаетъ св. Климентъ, говоря о посѣщеніи имъ могилы матери.

Чудна и прелестна Севастопольская бухта. Была страшная буря, и все свободное наше время мы

просидѣли на берегу, любуясь находящими валами и брызгами разбивающихся о камни волнъ. Уѣхать мы не рѣшились, не смотря на то, что на другой день по нашему приѣзду шелъ пароходъ въ Керчь и далѣе; рѣшились ждать воскресенья, чтобы ѣхать на «Пушкинѣ», считающемся однимъ изъ лучшихъ пароходовъ Россійскаго Общества Мореходства и Торговли. Подъ вечеръ хотѣлось съѣздить на Братское Кладбище, но лодочники отказались перевозить насъ ради бури, и намъ пришлось довольствоваться прогулкою въ доки, для осмотра новыхъ построекъ и новыхъ броненосцевъ. Бѣлокаменный Севастополь возсоздается и, благодаря неизсякаемымъ каменноломнямъ Инкерманна, снова вырастаетъ такимъ же бѣлымъ и строго классическимъ, какъ и въ былое время. За послѣдніе три года сдѣлано весьма много; теперь же продолжаютъ работать еще съ большей энергіей.

Смотря на этотъ бѣлый городъ, на бѣломъ утесѣ, на берегу зеленовато-синихъ волнъ Босфора, понимаешь, что древніе греки должны были разыскать, заселить и полюбить эту мѣстность; въ глазахъ ихъ она воплощала идею златокудрой, синеокой (glaucopis) Афины.

21-го. Предприняли поѣздку въ Бахчисарай. Ночью бушевала страшная буря; дождь лилъ ливнемъ, но къ 6 часамъ небо прояснилось, вѣтеръ поулегся, и мы рѣшили не откладывать поѣздки, не смотря на то, что приходилось ѣхать въ экипажахъ 40 верстъ, что не совсѣмъ удобно въ сомнительную погоду, тѣмъ болѣе, что не хотѣлось ѣхать въ закрытой каретѣ.

Въ 7 часовъ двинулись въ путь. Погода то свѣтлѣла, то снова хмурилась, то пугала насъ мелкимъ осеннимъ дождемъ; температура напоминала гораздо болѣе покинутый нами сѣверъ, чѣмъ благословенный югъ, жарами котораго насъ такъ пугали въ Москвѣ, но, завернувшись въ бурки, мы смѣло подвигаемся впередъ, радуясь, когда лучъ солнца золотитъ верхушки горъ, или на минуту освѣщаетъ передъ нами Севастопольскую бухту. Дорогу до Бахчисарая можно раздѣлить на двѣ половины: первую—болѣе пустынную, почти безъ всякой растительности; вторую—засаженную, запаханную какъ садъ.

Сейчасъ, послѣ Севастополя, дорога поднимается въ гору и долго тянется по тому известковому краю третичной формаціи, который опоясываетъ городъ и составляетъ мѣстный грунтъ. Все пусто и уныло кругомъ; мелкій кустарникъ (дубъ, бобовникъ и какое-то мелколиственное растеніе съ желтымъ цвѣтомъ, называемое ямщикомъ, березнякъ) кой-гдѣ прикрываетъ скудную почву. Оставляемъ вправо Ялтинское шоссе, нѣкоторое время ѣдемъ по весьма плохой дорогѣ, выѣзжаемъ наконецъ на шоссе и черезъ нѣсколько времени начинаемъ спускаться къ Черной рѣчкѣ—«Бююкъ Езенъ», по татарски. То, что видимъ съ дороги отъ Инкерманской долины, представляется какъ бы продолженіемъ Севастопольской бухты: это зеленая, болотистая въ началѣ, глубокая балка, окруженная съ трехъ сторонъ известковыми горами, у подножья которыхъ узкой лентой, тихо и плавно, пробираются мутныя воды

Черной рѣчки. Направо каменоломни съ одной стороны, Пещерный монастырь (по татарски Кермень—крѣпость, Инъ—пещера) съ другой; предъ нами мертвые холмы, увѣнчанные маяками; налѣво голубыя воды Севастопольской бухты. Переѣзжаемъ рѣчку, пробираемся по насыпи черезъ болото и живо поднимаемся въ горы.

Послѣ переѣзда чрезъ полотно желѣзной дороги (около станціи Белбекъ) мѣстность оживляется: поляны зеленѣютъ, холмы покрываются лѣсами, и взоры ваши привлечены множествомъ фруктовыхъ садовъ, пирамидальными тополями, цвѣтущими изгородами;—чувствуется рука человѣческая, но жилья еще нигдѣ не видно. Повороты шоссе доводятъ насъ до зеленой лощины, поросшей прелестными ветлами и пирамидальными тополями. Проѣзжаемъ мимо двухъ шоссеиныхъ дорогъ, окруженныхъ цвѣтущими каталпами, перебираемся черезъ мостъ на рѣкѣ Белбекъ, и снова пробираемся у подошвы холмовъ. Мѣстами характеръ горъ измѣняется: наслоенія становятся вертикальными и вершины ихъ иной разъ напоминаютъ огромныя *tables branlantes*; откосы же, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, представляютъ блестящую поверхность вертикальнаго лепестковаго извѣстняка.

Но вотъ опять направо—поля, вязы, зеленые холмы, дубы, орѣшникъ и виноградники. Впереди,—какъ бы поперегъ дороги—темно-синій хребетъ. Татарское мѣстечко Дуванхой на мутной, послѣ дождей полноводной и бурливой рѣкѣ Белбекъ, съ нависшими ивами и тополями.

Нарядное народонаселеніе празднуетъ байрамъ—конецъ поста и пестрыми костюмами придаетъ еще болѣе живописности прелестному мѣстечку. Дорога прорѣзаетъ песчаные холмы и снова поднимается въ гору. Оползы, осыпи горъ представляются глазамъ нашимъ совершенно бѣлыми, мѣловидными. Снова все мертво кругомъ. Но вотъ направо позеленѣлъ предъ вами глубокій провалъ, образовавшійся изъ оползъ горъ и весеннихъ промоинъ; на горизонтѣ высокія, темно-зеленыя горы. Еще немного и хребетъ этотъ принимаетъ причудливыя формы конусовъ, столовъ, которые рѣзко выдѣляются на темномъ, грозомомъ небѣ. Переѣзжаемъ еще разъ черезъ полотно желѣзной дороги и съѣзжаемъ въ зеленую запаханную лощину, образуемую рѣкой Качей, съ табачными плантаціями, тополями и каштановыми деревьями.

Еще нѣсколько верстъ по пустыннымъ холмамъ, и долина рѣки Чурукъ-су является предъ нами какъ зеленый, глубокій оазисъ среди такихъ же пустынныхъ вершинъ съ своими зелеными садами, красивыми постройками, мечетями, пирамидальными тополями и ханскимъ дворцомъ. Мы въ *Бахчисаратъ*. Подъѣзжаемъ къ дворцу, переступаемъ ворота и, очарованные, останавливаемся: предъ нами широкій, чисто восточный дворъ—садъ, дворъ какъ тѣ, которые встрѣчали въ Эривани около мечетей, дворъ, съ зеленью и фонтанами, съ вьющимися растеніями, съ группами тополей и обстроенный со всѣхъ сторонъ низкими восточными постройками, составляющими дворецъ Гиреевъ, нѣкогда повелителей грозной

Крымской орды. Солнце освѣщаетъ всю долину; но, не смотря на это, крупный лѣтній дождь, играя въ солнечныхъ лучахъ, поливаетъ прелестный дворцовый дворъ и придаетъ еще болѣе прелести окружающей насъ картинѣ. Располагаемся на тѣнистомъ балконѣ дворца, подъ развѣсистыми вѣтвями каштановаго дерева, и не можемъ оторваться отъ чарующей картины. Такъ тихо и спокойно здѣсь, что, кажется, остался-бы здѣсь на всю жизнь.

То же впечатлѣніе выносите вы и изъ посѣщенія дворца, его внутреннихъ садиковъ, мечетей и кладбища, гдѣ почиваютъ грозные Гирей, ихъ ханши и родственники.

„Фонтанъ слезъ“ или фонтанъ Маріи Потоцкой, воздвигнутый, по словамъ Пушкина, въ углу дворца, уединенный, стоитъ среди пустынного внутренняго дворика; но изъ него теперь не „журчитъ во мраморѣ вода, не каплетъ хладными слезами, какъ плачетъ мать во дни печали о сынѣ падшемъ на войнѣ.“

Верхомъ предприняли поѣздку въ *Успенскій Скитъ* и *Чуфутъ Кале*. Первый—прелестное, зеленое ущелье, воздѣлываемое двадцатью монахами, съ полями, покосами, бѣленькими церквами, построенными подъ навѣсами скалъ, или прилѣпленными къ натуральнымъ пещерамъ. Второй—извѣстный пещерный городъ *Караймовъ*, съ живописнымъ видомъ на окружающія его ущелья. Подъ сильнымъ ливнемъ вернулись въ Бахчисарай. Съ грустью покинули прелестный ханскій дворикъ и поздно ночью вернулись обратно въ Севастополь.

22-го Іюня. Выѣхали изъ Севастополя моремъ, въ часъ дня, на Пушкинѣ, роскошномъ пароходѣ Русскаго Общества пароходства и торговли. Качка была сильная, но только до маяка, то есть, при выходѣ изъ бухты. Волны въ бухтѣ свѣтло-зеленыя съ лазоревымъ оттѣнкомъ; позднѣе—болѣе темныя, совершенно синія. Берегъ голый, мертвый и довольно низкій до Георгіевскаго монастыря, который представляется намъ снова зеленымъ оазисомъ среди окружающей мертвой пустыни.

Вскорѣ потомъ Балаклавская бухта. Останавливаемся въ Ялтѣ, беремъ экипажъ и посѣщаемъ Ливадію, Оріанду.

23-го отъ 4-хъ до 6-ти часовъ утра стоимъ на Феодосійскомъ рейдѣ. Съ парохода городъ кажется большимъ, хорошо обстроеннымъ, но расположенъ въ такой же пустынной мѣстности. Послѣ него, и до самой Керчи, видимъ все болѣе и болѣе кургановъ, образующихъ между развалинами Нимфеи и Керчью непрерывную цѣпь.

Около 12 часовъ останавливаемся напротивъ Керчи. Пушкинъ къ берегу не подходитъ, боясь мелководья бухты; но мы пересаживаемся на болѣе маленькій пароходъ и переѣзжаемъ на берегъ. Керчь, богатѣйшее въ мірѣ древнее кладбище, изуродованное, разграбленное безъ всякой системы, безъ всякой научной цѣли. Раскапывая наудачу древнія могилы Пантикапеи, мы обогащали Эрмитажъ; кладоискатели за то же время дѣлали свое дѣло, но никто не подумалъ, что прежде всего слѣдовало снять планъ мѣстности, опредѣлить настоящее положеніе города,

а потомъ уже его обирать. Стоишь на Митридатовой горѣ, разъѣзжаешь по городскимъ пустырямъ новаго города и задаешь себѣ вопросъ: „гдѣ же располагалась древняя Пантикапей?“ Широкая, плоская долина, какъ бы продолженіе бухты, окружена съ трехъ сторонъ холмами, почти со всѣхъ сторонъ, (больше къ сторонѣ Θεοδοσίи) покрытыхъ курганами; по всей долинѣ видны слѣды могилъ; среди нея же возвышается величественный Царскій Курганъ, съ своимъ индійскимъ сводомъ и такимъ же узкимъ проходомъ-галлереей; то же самое видимъ и вокругъ Митридатовой горы. Мы знаемъ между тѣмъ, что Греки, подобно Римлянамъ, хоронили внѣ города, начиная съ самыхъ воротъ его.

Входъ въ Царскій курганъ уставленъ обломками статуй и архитектурныхъ деталей, добытыхъ въ разное время при раскопкахъ Пантикапеи; это все большею частью надгробные памятники, между которыми обращаютъ наше вниманіе три архитектурныхъ обломка съ акантами, архивольтами и грифами, прелестно высѣченныхъ изъ мрамора. Тутъ же мраморный обломокъ, весьма попорченный въ верхнихъ частяхъ, но интересный по работѣ и сюжету: сирена, оканчивающаяся въ нижнихъ частяхъ акантовыми вѣтвями—повтореніе весьма знакомаго типа, такъ часто встрѣчаемаго на золотыхъ пластинкахъ Пантикапеи и Ольвіи. У самаго входа въ погребальную камеру положены камни съ греческими надписями Перисада и Спартакоса.

Митридатова гора состоитъ изъ натурального утеса, со всѣхъ сторонъ засыпаннаго наносною землею,

со множествомъ остатковъ древнихъ черепковъ, амфоръ и пр. Прекрасно задуманная лѣстница, напоминающая лѣстницу, ведущую на Пинчіо въ Римѣ, идетъ до полъ-горы; отъ нея до вершины добираются тропинками. Около лѣстницы, заброшенная церковь, въ стилѣ храма Тезея, церковь, служившая прежде музеемъ, и которую желаютъ снова занять онымъ. И лѣстница, и храмъ задуманы и исполнены бывшимъ градоначальникомъ Стемковскимъ.

За Митридатовой горой, на мысу, заканчивающемъ бухту, расположена крѣпость, которая начата по плану Тотлебена, но не доведена до конца. Задумана она твердыней, которая должна была защищать Азовское море, а вышла—второстепенною крѣпостью, не въ состояніи даже защитить города, расположеннаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

Городской музей помѣщается въ маленькомъ наемномъ домикѣ, состоящемъ изъ трехъ комнатъ, занятыхъ витринами и полками, на которыхъ собраны хорошенекія вещи изъ мѣстныхъ раскопокъ, все болѣе или менѣе типы всѣмъ извѣстной стеклянной посуды, амфоръ, золотыя пластинки, ручки и черепица съ изданными надписями и клеймами. Сохраняются здѣсь также пять череповъ микроцефаловъ съ сильно удлиненной заднею частью.

Директоръ музея получаетъ всего 600 р. жалованья и, не имѣя подъ рукою ни достаточныхъ средствъ, ни библіотеки, не можетъ принести ни краю, ни дѣлу той пользы, на которую могла бы рассчитывать Россія, еслибы мы умѣли сохранять наши памятники для науки, какъ то дѣлается въ

Италіи, во Франціи и другихъ образованныхъ государствахъ.

Въ 6 часовъ вернулись на пароходъ, а въ два часа ночи подошли къ Новороссійску и снова остановились у самого входа въ бухту. (Остальные пароходы, говорятъ, подходятъ къ самому берегу). Большой баркасъ принялъ насъ съ парохода и доставилъ съ вещами на берегъ. Ночь была темная. На берегу оказалось всего четыре извозчика и ни одного носильщика. Съ трудомъ перенесли мы все на дроги извозчика и по темнымъ грязнымъ улицамъ (три дня шель проливной дождь) добрались до Европейской гостиницы, гдѣ, благодаря предупредительной заботливости капитана парохода „Пушкинъ“, намъ были приготовлены нумера.

24-го—3 іюля. *Новороссійскъ* только что возникающій русскій городъ на берегу *рычки Цемесъ* и бухты того же имени, на мѣстѣ древней Горгиціи, по мнѣнію Дюбуа, или извѣстной турецкой крѣпости Сунджукъ-Кале (Сунджукъ-Кале, или вѣрнѣе Джуго—Джукъ-Кале, значить по черкесски — „крѣпость мышей“).

Страбонъ приурочиваетъ къ этой мѣстности городъ Бата; Сцилоксъ видитъ здѣсь городъ Патусъ; Арріанъ говоритъ объ извѣстномъ лиманѣ и городѣ Хіеросъ, изъ котораго Боекъ (въ Берлинѣ) филологическими доказательствами выводитъ Горгицію Страбона,—имя, приданное, по его мнѣнію позднѣе Синдами тому же Хіеросу.

Полюбился же болѣе всѣхъ, должно быть, край этотъ Генуэсцамъ, ибо на всѣхъ средневѣковыхъ